

Татьяна Д'Баржак

16+

Я лежала на стене...

Порой жизнь нам подкидывает
такие истории, что ничего
придумывать на надо

Татьяна Андреевна Д'Баржак Я лежала на стене...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42331491

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0117-3

Аннотация

Оглянитесь вокруг! Внимательно посмотрите назад! Вы заметили?! Это и есть Ваша настоящая жизнь без прикрас и выдумок! В оформлении обложки использована фотография автора BRVertigo.

Содержание

Я «лежала» на стене или Каждому по способности	4
Нет проблем или...	7
Путь к исцелению	11
Часть	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Я «лежала» на стене или Каждому по способности

– С меня хватит! – говорю я каждый раз, получая зарплату. Вот и сегодня, сжав в кулаке свои честно заработанные, объявляю себе и всем, кто стоит в очереди за деньгами: «Довольно! С сегодняшнего дня я становлюсь проституткой! Это что ж за зарплата такая!?» Так я говорю один раз в месяц вот уже семь лет подряд. Но сегодня, прикинув свои предстоящие расходы, я решила окончательно. Уверенности в правильности выбранного решения мне придавала мысль о том, что надо действовать именно сейчас, пока я еще «в цене». Потом будет поздно. Чем дальше я отходила от окошка кассы, тем сильнее крепло во мне желание больше никогда к нему не подходить, а заработать эту сумму за один вечер – сегодня, назло всем: очереди, кассирше и вообще всему миру. «Что ж, у меня способностей, что ли, нет?» – думала я про себя, прикидывая в уме план дальнейших действий. Все было просто: ресторан, мужчины, деньги.

Ресторан при гостинице был полон гостей и огней. Я сидела за столиком и усиленно делала такое выражение лица, как будто это был мой дом родной. Я старалась вписаться в общий шум. Через несколько минут, когда с эстрады лились слова: «Еще не вечер...», ко мне подошел мужчина в

элегантном костюме и пригласил меня танцевать. Через два танца он пригласил меня к себе в номер. «Когда же ему сказать, что я проститутка?» – мучилась я. Решила, что скажу сразу же, как только войду к нему в номер.

И вот передо мной дверь, за которой начинается новая жизнь. Я робко постучала и решительно переступила порог. Затем сильно хлопнула дверью уже с той стороны, чтобы слышали все: и кассир, и бухгалтер, и начальство, и вся общественность.

Он стоял в тренировочных штанах. Коленки были вытянуты. «Чтобы удобнее было снимать», – подумала я. Минуты две была тишина.

– Я – проститутка! – вдруг громко вырвалось из меня. Его брови полезли вверх. Пауза.

– А сколько? – поинтересовался он. Судорожно соображаю, какую сумму назвать. «Скажу – много! А сколько это – «много»? А сколько нормально?» Решив, что моя зарплата – это нормально, называю сумму. Снова повисла пауза. Затем, вычтя из моей стоимости стоимость двух бутылок шампанского и шоколада, он протянул мне оставшиеся деньги.

Шампанское переходило из бутылок в бокалы, из бокалов в меня. Я старалась потопить ту, которая получает унижительную зарплату, и вытащить на поверхность другую, способную заработать эту сумму за один вечер.

Потопление длилось вечность.

* * *

...Он сидел голый на унитазе с поднятыми вверх руками. Мне казалось, что так в старых фильмах сдавались немцы. Его исцарапанная щека нервно подергивалась.

Я «лежала» на стене с фруктовым ножом в руке. Наши тела и души сблизиться не смогли, между ними было препятствие, сделанное из его страха и моей злости на весь мир.

Через месяц я снова пойду в кассу получать свои жалкие гроши. По всей вероятности, я действительно столько стою.

Нет проблем или...

Моей подруге Лидке никогда и ни при каких условиях нельзя говорить две фразы: «Тебе это не идет!» и «Тебе это мало!».

К Лидке идет ВСЁ! А понятие «размер» ее совершенно не волнует.

Перетекая из одной египетской лавки в другую, мой взгляд вдруг падает на красное, совершенно крошечное платье. В этой крошке было что-то такое, определяемое мною как «вызов обществу». Метнув взор в сторону подруги, я увидела, как платье и Лидка визуальнo соединились воедино.

– Тебе нравится? – с надеждой на «нет» спросила она.

– Да – ярко и живенько, – выстрелила я.

– Мне тоже, – ответила Лидка, – но можешь померить, – снизошла она.

Я рванулась к узкой раздевалке в конце магазинчика, но через несколько секунд вышла оттуда с потухшим лицом, как будто свежепобитым этим же платьем.

– Ну что, мало? – улыбнулась довольная подруга. – Ну, а теперь мой черед!

Не прошло и секунды, как с воплем: – А мне как раз! – она вылетела из примерочной комнаты.

Несколько слов о Лидке...

Далеко не худая блондинка бальзаковского возраста, как будто только что сошедшая с полотна Рубенса, без всяких комплексов и проблем.

Я – худосочная брюнетка, вряд ли бы вдохновившая фламандского живописца творить такие полотна своим легким намеком на грудь. И к тому же с кучей всяких комплексов и проблем.

О платье...

Яркое, красивое, красное, и если бы оно висело в отделе белья, то называлось бы красивой майкой.

Мелкий смуглый продавец прыгал как мяч вокруг пышного Лидкиного белого тела и вопил: «Это стретч!»

«Стретч» по-русски означало – тянешь вниз – прикрываешь трусы. Но при этом автоматически оголяешь соски.

– Ну что ты стоишь, как каменная? – бросила Лидка на ходу и, процитировав свою коронную фразу: «Кому не нравится, тот пусть не смотрит. Это их проблемы. Я на отдыхе», – направилась к выходу, положив драгоценную покупку в футляр от солнечных очков.

Уже в отеле, еле дождавшись наступления вечера, мы с Лидкой наконец торжественно двинулись в сторону ресторана. Продавец не обманул, это был действительно стретч, который стал при любом колыхании Лидки превращать платье в майку, а уже при ходьбе – в лиф, при этом демонстрируя окружающим Лидкины «прелести». Вместе с Лидкиными стрингами наружу стали выползать все мои комплексы, и

я вяло проблеяла:

– Лидк, может, тебе постоять немного, не двигаясь?

– Тебе надо, ты и постой, это твои проблемы, – фыркнула она.

– Да нет-нет, перед зеркалом. Вон там, такое большое и красивое висит, не шевелись только! – взмолилась я.

И вот мы все у зеркала: Лидка, тело, туфли на высоком каблуке и красное платье-лиф, перемещающееся то вверх, то вниз. Лидка ведь живая, все-таки дышит.

Самой трудной нашей (скорее всего, моей) задачей было добраться до столика в ресторане до того момента, как платье успеет превратиться в лиф. Лидка уверенно сделала несколько размашистых шагов и двинулась вперед, я чуть поодаль для контроля ситуации. В воздухе воцарилась тишина. Туристы замерли. Весь обслуживающий персонал вытянулся в шеренгу. Лидка буквально разрежала онемевшую толпу, как торт ножом. Она чувствовала себя генералом, а я – «платьехранителем». Мне казалось, что такой вход военные называют «свиньей». Чем ближе мы подходили к столу, тем улыбок становилось больше, платья меньше, а «гудивнингов» чаще. Наконец дойдя до нашего столика, Лидка плюхнулась в кресло, закинула ногу на ногу и вынула узкую длинную, пахнущую свежим ментолом сигарету.

– Мадам! – и пятнадцать зажигалок вспыхнули одновременно. Она прикурила ото всех.

– Как хорошо, Танюшка, – потянулась Лидка, – мы на от-

дыхе, кому не нравится, пусть не смотрят, это их проблемы!

– Да, – тупо соглашаюсь я и заказываю водку с жирным пирожным.

P.S. Я утоплю в стакане свои комплексы, наберу вес, расправлю спину и буду учиться жить без проблем, а кому не нравится, пусть не смотрят! Это их проблемы!

Путь к исцелению

Часть

I

. Клиника неврозов

Крупная вывеска «Клиника неврозов» не давала никакого повода сомневаться в этом. С дрожью внутри и с направлением в сумочке я довольно быстро нашла еще одну надпись – «Приемное отделение».

Едва успев открыть дверь, я была встречена двумя вопросами, которые мне задала женщина не в белом:

1. Вы кто?

2. Вам что?

Вопросы, вроде, были не слишком сложны, но объявить, что я больная, как-то не решилась и вдруг сообразила: «Я с направлением из поликлиники».

– У нас тут свои направления, – бросила мне женщина на ходу, как бы давая понять, что разговор окончен. А куда идти с моим направлением? За ней или куда-нибудь дальше? Рискнув, я побежала за ней.

– А где взять ваше? И куда деть свое? – кричала я удалявшейся спине.

– Вот адрес, туда принесешь свое, тебе дадут наше, свое

ты обменяешь на наше, тогда к нам и приходи. Поняла?

Я туповато кивнула. Взглянув на бумажку с адресом, я поняла, что это где-то недалеко и можно пройти дворами. Я когда-то уже была здесь, лет 10 назад. Но сколько всего могло измениться за это время. Найти оказалось нетрудно, те же ориентиры: неубранные помойки, коты (видимо, их поколение), осыпавшаяся краска, еще не рухнувшие крыши. Изменилось только содержимое помоек, они стали ярче и наряднее. То там, то тут поблескивали баночки из-под кока-колы и других напитков, кокетливо искрились обертки от конфет. Да, этого не было 10 лет назад.

Около деревянной калитки на невысоком каменном заборчике рядом с ярким словом, состоящим из трех букв, блекло проглядывала надпись «Поликлиника». Может, толкнуть эту калитку, может, за ней и есть долгожданное спасение? Постояла. Подумала. Люди не толкали, наверно, им не надо было спасаться. Я ждала. Они шли. Вздохнула. Толкнула и оказалась там, за дверью.

Это была обычная советская регистратура с обычным советским порядком, рассчитанным на обычных, очень здоровых и, по-видимому, очень советских людей.

– Кто последний? – пискнула я.

– Смотря куда.

Удивление моих глаз не заставило ждать ответа.

– Если сразу на госпитализацию, то ждите с вещами у 1-го окна, а если за направлением, то в общую очередь, – сооб-

шила мне общая очередь. Те, кто были с вещами, говорить, видимо, уже не могли. По периметру небольшой комнаты – регистратуры были раскиданы не первой свежести стулья, я полусела на один из них. Стояла тишина. Сидели робкие люди, волнение росло. Все чего-то ждали. Может, исцеления, может, помощи, может, надежды или ничего.

– А почему не дают направления? – робко задаю вопрос никому и как бы всем.

– Потому что еще не забрали тех, кого сегодня должны взять, – ответил никто. Вопрос «а куда забрать?» повис в воздухе, так и не дойдя до ушей сидящих, так как в этот момент вдруг влетела она (по-видимому, которая забирает), но влетела не на крыльях любви, а на большой скорости, мощно, как необъятный белый пароход.

– Те, кого сейчас забираем, готовы? – гаркнула она.

– Готовы... – проскрипело несколько голосов.

– Документы с собой? Правила читали?

Оказалось, что правила читали не все. Тут те, кого забирали, и те, кого могли забрать в любой момент, бросились к «Правилам». На листке из школьной тетради с неровными краями мерзким почерком были написаны еще более мерзкие слова:

«Больным обязательно при себе иметь:

- 1. Туалетную бумагу.*
- 2. Домашний халат.*
- 3. Полотенце.*

4. *Кружку, ложку и тарелку (железные).*

В больнице ничего нет. Вилки и ножи не брать».

«Котелок тоже, наверно, не понадобится», – пронеслось в голове.

И вот, наконец, я робко стучу в дверь кабинета врача, где мы должны обменяться направлениями.

– Заходите, – гнусаво протянула врач. Я вошла.

Стол, стул, окно, пол. Врача я не увидела, за столом сидела девица, похожая на серую мышь, лицо которой не несло даже далекого отпечатка медицинского образования. А может, этот светло-серого цвета кабинет стер весь медицинский налет с ее лица. Но зато теперь они очень гармонировали друг с другом, дополняли – мышь кабинет и наоборот.

Ей было там хорошо. Мне – плохо. Быстро окинув взором мой свитер, серьги и кольцо, она выдавила: «Фамилия?» Моя история болезни лежала перед ней на столе.

– Я с направлением, – забеспокоилась я, роюсь в своей сумке.

– У нас свое направление! – уже не глядя на меня, ответила девица.

– Вы у нас лежали? Вопрос был задан тоном цвета льда.

– Да, лет восемь-десять назад.

Моя карта продолжала лежать на столе, раскрытая на той же странице.

– Время года?

Заданный вопрос был сложен для меня, так как иногда я

не помню даже события текущего дня. А какое время года было 10 лет назад, мог помнить человек, который бы никогда сюда не пришел. Это показалось мне глупой и неуместной шуткой. И чтобы не затягивать неловкую паузу, я сказала: «Не помню».

– Весна, лето, осень, зима? – рывкнула она, вероятно подумав, что я не помню названий времен года.

– Не знаю, – совсем потухла я.

– А в каком отделении вы были, хоть это-то вы помните? – скривила она красные жирные губы.

– Нет, не помню, – еле вымолвила я, вытянув свои бледные искусанные губы в нитку.

– Ну и на что же вы жалуетесь? – с раздражением спросила она.

Внезапно в комнате стало дико холодно. Я поняла, что мой рассказ не коснется не только ее безразличного сердца, но и не дойдет даже до барабанных перепонок. Лаконично свернув всю свою боль и болезнь в одну короткую фразу, я пытаюсь вызвать жалость к себе: «Мне надо помочь пережить стресс».

– Какой же это у вас стресс? – прищурилась врачиха.

– Личный.

– У вас всех личные стрессы, я спрашиваю конкретно, – зашипела она.

– Конкретно? Личный, – еле пропищала я.

– Бедственное положение в Мозамбике – это тоже личный

стресс, – показала она остроту своего ума. «Наверно, тогда бы к ней приехали из Мозамбика, – подумала я. – Хотя вряд ли».

– Так какой же? – продолжала допрос претендующая на врача.

– Личный, но не мозамбичный, – вдруг неожиданно выдохнула я.

– Личный... Вот кошка лапы себе прищемит, это тоже личная трагедия, – не унималась «гордость психиатрии». (Вероятно для кошки – в первую очередь, пронеслось у меня в голове). Но я молчала...

– Что, будем молчать? – ее глаза ослепили меня, как лампа, которой не было на столе.

– Стрессы бывают в семье и на работе, так вот у меня в семье, – выдала я, как на допросе. Ее глаза немного смягчились.

– Это хорошо, – успокоилась она, – а какой именно семейный стресс? Она старалась подкрасться поближе, как хищник к ничего не подозревающей добыче. Мое молчание вывело ее из состояния, которое должно было называться «врачом». Она быстро встала. Допрос был окончен. Я автоматически встала тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.